

"Кир Булычев - Пустой дом"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

Пустой дом

Мы схожи с мореплавателями семнадцатого века. Океаны безбрежны и полны тайн. Карты – сплошные белые пятна, кое-где пересеченные маршрутами капитанов, что побывали в этих широтах десять, сто лет назад. Богатая фантазия картографов заполнила плоскости белых пятен двухголовыми чудовищами, морскими змеями, огнедышащими горами и сиренами.

Завтра моряку, быть может, повезет: пролетит над бушпритом зеленый попугай, закачается на волнах скорлупа кокосового ореха, туманным облаком повиснет над горизонтом неизвестный остров.

- Не будет на острове двухголовых чудовищ и темнокожих красавиц. И тайн не будет. Остров окажется точно таким же, как сто островов до него, – сказал Гусев.

- Сила тяжести восемь «ж», метеоритные кратеры и выходы базальтов, – сказал Бауэр.

- Мне с вами скучно, – сказал я. – Мне давно с вами скучно. Метеоритных кратеров не будет. В такой плотной атмосфере сгорит без следа даже аризонский метеорит.

- Там все уже сгорело, – не сдавался Гусев. – Температура у поверхности плюс триста. Поверь моему опыту.

В кают-компанию спустился Янсон и принес расшифрованный отчет зонда. Температура у поверхности по экватору – минус сорок четыре Цельсия. Атмосфера практически нормального типа. Пальмы кивали головами с далекого берега.

- Жуткие ветры, – сказал капитан, когда мы поднялись на мостик. – Отвратительный климат. Но жить можно.

На экране клубились снежные вихри, в просветах туч изредка мелькали пятнистые прогалины. Бауэр разложил на штурманском столе фотографии, принесенные зондом. Он был похож на дедушку, раскладывающего любимый пасьянс «Невский проспект».

- А вот и город, – сказал Бауэр и протянул капитану нечеткий снимок. Снимок был заштрихован полосами вихрей, и при желании сквозь них можно было разглядеть прямые линии и круги.

Мы оставили корабль на орбите. Сели скромно, в катере. При посадке катер швыряло ветром и сносило к острым зубьям скал.

- Тропический рай, – сказал Бауэр, застегивая скафандр.

Если бы на корабле нашлись шубы, можно было бы обойтись и без скафандров. Но шуб мы с собой не везли.

- Потом, когда познакомимся поближе, – ответил я, – одолжим у них валенки.

- Кому что, дуся, – сказал Бауэр. – Мне выдадут горные лыжи. Здесь чудесно развит зимний спорт.

Температура снаружи упала до пятидесяти трех градусов. Пурга ярилась, раскачивая катер.

- Они не занимаются зимним спортом, – сказал серьезно Гусев, готовя к спуску вездеход. – Они

смотрят телевизор.

- В такой обстановке нельзя изобрести телевизор, - сказал Бауэр. - Никто не полезет на крышу ставить антенну.

- Скоро выходите? - спросил по рации капитан.

- Мы готовы, - сказал Бауэр.

- В катере Гусев?

- Да.

Об этом было уговорено еще на корабле. Гусев лишь улыбнулся. Мы с Бауэром перешли в вездеход. Машина вздрогнула, когда по ветровому стеклу полоснуло снегом. Колеса до половины утонули в сыпучей каше.

Город возник из ничего в тот момент, когда мы поравнялись с первым домом. Приземистые купола вылезали из-под снега, как шляпки боровиков из-под вороха осенних листьев. Вездеход медленно плыл по уши в снегу, ворчал, вздыхал, медлил, когда пурга хлестала по глазам. Самый большой купол был полупрозрачным. Под ним скрывалась площадь, окруженная невысокими зданиями. Снежные струи не задерживались на скользких боках купола, стекали ручейками, но на полпути вновь взвивались смерчами, металась у преграды и били по ней кулачками.

Площадь была пуста.

- Почему молчите? - спросил капитан.

- Их нет дома, - сказал Бауэр.

Я закрепился тросом, вылез наружу, и меня сильно толкнуло ветром в спину. Я попытался укрыться за покатою стеной. Навстречу мне зыркнул глазами белый мохнатый зверь чуть больше овчарки ростом. Присел на задние лапы и оскалил крокодильими зубами.

- погоди, - сказал я зверю. - Куда ты?

Зверь закинул на спину длинный хвост и исчез в пурге.

- С кем ты? - спросил Бауэр.

- С волком, - сказал я. - Он убежал.

Из снега вылезла стенка. На ней мозаичная картинка - желтые и фиолетовые улыбки без лиц, разноцветные спирали и овалы. За стенкой снег вымело до мостовой, сложенной из серых плиток.

- Летом здесь тепло, - сказал я.

- Да, летом тепло, - сказал Бауэр. - Летом планета возвращается к их солнцу.

Мы нашли вход на площадь. Двойные двери в конце короткого туннеля пропустили вездеход внутрь и бесшумно закрылись, отрезав суетню бури. Снег, влетевший вслед за нами, не растаял, а лег веером по плитам. Я потоптался, стряхивая снег с башмаков, и снял шлем. На

площади было тихо и холодно. Окна домов были закрыты, мостовая припудрена тонким слоем пыли. Бауэр подогнал вездеход к большой застекленной двери, спрыгнул на мостовую.

- Хоть бы муха пролетела, - сказал я.

- Холодно, - сказал Бауэр. - Надень шлем, простудишься.

Я запрокинул голову. По куполу суетились, разыскивали щель снежные струи. Бауэр шел ко мне, и его башмаки гулко цокали по плитам. Казалось, что мы на сцене огромного театра, где расставлена мебель и нарисованы декорации для спектакля, но нет еще ни актеров, ни зрителей - лишь мы, безбилетники, заблудились среди фанерных задников, разрисованных под дуб дверей и окон, за которыми нет комнат.

Бауэр постучал каблуком по плите.

- Там, внизу, пусто, - определил он.

- Надо войти в дом, - сказал я.

Бауэр кивнул, но некоторое время мы не двигались с места. Разумеется, мы должны были что-то делать. Не стоять же век посреди пустой площади. И проще было бы сделать первый шаг, если бы город был разрушен, объеден ветрами, если бы город был мертв.

Но он не был мертв. Город притворялся. Будто замыслил странную игру, будто был построен специально для нас, будто бы это был не город, а видение, голос сирены, приманка и там, под плитам, затаился Минотавр, ждущий своей жертвы.

Так же думал и Бауэр. За долгий полет начинают думать схоже. И вести себя схоже. Бауэр сказал:

- Сейчас из-за угла выйдет Житель города и скажет: «А вот и я».

- Пошли? - сказал я.

- Осторожнее, - послышался голос.

Я вздрогнул. Это капитан услышал наш разговор.

- Может быть, там скрывается всякое зверье.

Скрипнула дверь. Помещение за ней было обширным, гулким и сумрачным. Потертый ковер тянулся между двумя рядами круглых столов. Столы были одинаковы, лишь на одном лежала на боку ваза с отбитой ручкой.

Мы шли между рядов, становилось все темнее, и серые окна за спиной превратились в глаза, сверлящие взглядом. Бауэр включил шлемовой фонарь и щелкнул кнопкой на кобуре. Крышка отскочила, и рукоятка пистолета блеснула тускло и зловеще. Луч фонаря скользнул по длинному барьеру, который перегораживал дорогу. Бауэр наклонил голову, и луч света выхватил темное пятно на барьере. Кто-то опрокинул на барьер чернильницу. Или бутылку с краской. В темном пятне отпечаталась человеческая ладонь. Бауэр провел пальцем по пятну. Чернила давно высохли.

- Может, вернетесь? - спросил Гусев по рации.

- Здесь лестница вниз, - сказал Бауэр. - Спустимся. Поздно уж убежать.

Дверь в конце неширокой лестницы была прикрыта. Бауэр нажал ручку. И тут же вокруг нас вспыхнул свет. Неяркий, ровный, желтоватый. Со скрипом отъехала в сторону решетка. Мы оказались на складе. До самого потолка громоздились штабеля ящиков, контейнеров, шаровых сосудов, коробок и пачек. Склад ждал хозяев. Они не пришли, и он готов был щедро поделиться с нами своими богатствами...

- Ну хоть бы один труп, - говорил Гусев, расхаживая по кают-компани. Он высоко поднимал ноги, перешагивая через кипы фотографий, графиков, отчетов. - Хоть бы одна живая душа! Как они умудрились себя уничтожить без всякого следа? Вы мне можете сказать?

- Нет.

- Что это за беда, которая стерла с планеты всех живых людей? Ведь мы обыскали уже несколько городов, гоняли биозонд в море, рыскали по горам. Что это? Абсолютное оружие?

- Абсолютное оружие уничтожило бы и волков, и оленей, и птиц, - ответил капитан. - А звери живы. Почти все в спячке, но живы. Ждут лета.

- Или они ушли в подземные пещеры? Но зачем? Да и не пропустили бы мы пещер, в которых может скрываться полтора миллиарда разумных существ.

Бауэр сидел на полу, вытянув вперед длинные ноги, глядел на Гусева снизу. Он сказал:

- Классическая ситуация. Тайна «Марии Целесты».

- Что?

- Не помнишь?

- Не помню.

- Лет двести назад в океане обнаружили судно. «Мария Целеста». Белые паруса, наполненные ветром, и так далее. Все в полном порядке - ни течи, ни следов пожара. Но ни одного человека на борту. Идет себе по морю пустой невредимый корабль. Кастрюля на плите в камбузе, детская игрушка на палубе. Шлюпки целы. До сих пор тайна не раскрыта.

- А почему детская игрушка? - спросил капитан.

- На борту была чья-то жена. С ребенком. За детали не ручаюсь. Главное - все исчезли.

- Если это эпидемия, - сказал я, - то уж очень много придется делать допущений. И что умершие растворялись в воздухе, и что диких зверей не затрагивала болезнь.

- Кстати, - сказал Бауэр. - У них в домах жили домашние животные. Их тоже нет.

- И еще одна деталь, - сказал Гусев, разглядывая какую-то фотографию, - нет зимней одежды.

- И системы отопления, которая могла бы справиться с зимой.

Капитан потянулся, хрустнул пальцами.

- Значит, можем пока остановиться на рабочей гипотезе. Раньше таких холодов они не знали. А

когда грянул мороз, он застал их врасплох. И тогда что-то случилось.

- Кстати, - сказал Гусев, - вчера я был в музее. В большом городе, километрах в ста пятидесяти от места первого приземления. Там, в исторической секции, масса изображений людей в зимней одежде. Есть и шубы, и всякие меховые вещи.

...Мы с Бауэром остановились в коридоре жилого дома. У нас в плане поисков стоял жилой дом: обмер, фотографирование, сбор образцов.

- Вытирай ноги, - сказал Бауэр, который уже прошел в первую комнату. - Здесь ковер. Наследишь.

Внешняя стена комнаты была округлой, повторяла форму купола, прикрывавшего здание. На стене висела большая картина - лес. Буйный, зеленый, цветущий, ничего общего не имеющий с крючковатыми палками, покрывающими долину за городом. Во весь пол лежал голубой ковер. В доме все было так, будто хозяин ушел из него вчера. Если с площади люди успели все убрать, то здесь времени на это не хватило. На столе свалены журналы, маленькие ночные туфли стоят около дивана, дверцы шкафа приоткрыты, и на вешалках висят платья, куртки, туники, накидки - все летнее, легкое.

Бауэр сдул пыль с журнала, раскрыл его.

- Удивительно все-таки, - сказал он, - что наш корабельный Мозг до сих пор не раскусил языка. Возможно, именно в этом журнале написано: «Надвигаются холода. Собирайте вещи и бегите».

- Нет, - сказал я, перейдя в следующую комнату. - Все случилось неожиданно. Она даже не успела убрать за собой постель.

- Почему она?

- Здесь жила женщина.

Я прошел на кухню. Холодильник был пуст. Я откинул створку ставен. Там все так же бушевала метель, и белые волки, собравшись у вездехода, старательно обнюхивали колеса.

- Ты был прав, - сказал Бауэр.

- В чем?

- Она была женщиной.

Я поднял полотенце. Хозяйка дома бросила его небрежно на стол, и оно свешивалось до пола.

- Крысолов, - сказал я.

- Что? - крикнул Бауэр.

- Крысолов загудел в дудочку, и она побежала на улицу.

- Но дверь за собой заперла. Иди сюда. Посмотри, какой она была.

Бауэр держал на коленях толстый альбом. В нем были рисунки, любительские, робкие, несколько фотографий, надписи разноцветными чернилами, глазастые цветы и шестиногие

зверюшки в углах страниц.

- Она училась в Смольном институте, - сказал Бауэр, раскрывая альбом на первой странице, где был приклеен акварельный портрет девушки с удивленными бровями, мягким коротким носом и пухлыми, четко очерченными губами. Глаза были темно-синими, с черными ободками. - Она была дочерью небогатых, но благородных родителей.

- Тебя не приглашали в этот дом, - сказал я. - И никто не разрешал тебе брать этот альбом.

- Я не виноват, что хозяева не захотели меня дождаться.

Я взял альбом с собой. Ведь он никому уже не понадобится.

- Ты даже никогда не узнаешь, как ее звали, - сказал Бауэр, когда мы возвращались к катеру.

- Не важно, - ответил я. - Буду звать ее Кристиной. Я давно хотел познакомиться с девушкой по имени Кристина.

На самом деле мне было очень грустно, что я никогда ее не увижу. Я вспомнил, как давно, лет десять назад, я увидел в старом альбоме фотографию готической статуи, что стоит в Нюрнбергском, а может быть, в Кельнском соборе. Статуя изображала тонкую, гибкую, очень печальную женщину, красивей которой я не видел. Кажется, звали ее Ута и умерла она восемьсот лет назад. Мастер умудрился вылепить ее живые, нервные руки и тоску в глазах. Рядом была статуя ее мужа - сытого, крепкого графа. Я уверен, что он жестоко обращался с Утой. И несколько дней я мучился глупо и бездарно из-за того только, что никогда не смогу защитить ее от этого графа, увезти в Москву или в Луноград, уговорить пойти на курсы биоников или программистов, приехать за ней после рейса и везти ее в Калькутту, Рио-де-Жанейро или какое-нибудь другое чудесное место...

- Мы останемся здесь до весны, - сказал капитан. - Я связался с Землей. Завтра сюда вылетает экспедиция. Просили нас пока собирать информацию.

На две недели, что оставались до прилета экспедиции, я переселился в город. Мне ничего не грозило в городе, и капитан разрешил мне жить в доме Кристины. Бауэр посмеивался надо мной, но порой, если мы изматывались за день, то исследуя подземные гаражи и энергохозяйство, заводы в соседней долине, то пытаюсь пробраться в Синие башни, торчавшие свечками на окраинах города, он устраивался на втором диване, варил крепкий чай, большую пачку которого нам выдал Янсон, и за полночь мы с ним разговаривали о городе, таком знакомом уже и чужом, пока мы не разгадали его, не поняли его языка.

Портрет Кристины я поставил на столике у дивана. А рядом посадил игрушечного белого волчонка, которого взял в подземном гараже дома, из ее машины.

Мне часто снился один и тот же сон. Может быть, потому, что я хотел его увидеть. Будто я просыпаюсь. Утро. В прихожей слышны легкие шаги. Потом кто-то входит в комнату, открывает ставни, солнце врывается в окна. Я открываю глаза - Кристина стоит возле дивана и говорит: «Вставай, проспичь все на свете».

Но утро всегда было серым, ветреным и безжизненным.

Постепенно планета приближалась к солнцу. Стало теплее. Солнечные лучи порой уже прорывались сквозь сизые тучи, и тогда на глазах оседали сугробы, стихала на минуту пурга. И тут же вновь с яростью бросалась на город, как только тучам удавалось упрятать солнце. Глеб

Бауэр притащил откуда-то ветку с разбухшими почками и уверял меня, что она расцветет до нашего отъезда.

- Завтра-послезавтра, - сказал он, разлегшись на ковре, - Мозг одолеет их язык.

- Откуда знаешь?

- Он сам сказал.

- Послезавтра кончается наша вахта.

- Ничего, придут другие. А нам пора приниматься за дело. Мы не археологи, а моряки. И еще меня смущают Синие башни. Хотел бы я узнать, что в них спрятано. Это единственные строения на планете, которые нам так и не удалось открыть.

- Отвечу твоими же словами: придут другие. Ведь мы не археологи, а моряки. Кстати, а вдруг люди скрывались в них?

- Спрашиваешь, а сам знаешь, что чепуха.

- Ладно, это я так. Чай пить будешь?

- Сейчас поставлю.

Но он не успел этого сделать. Включился динамик, и капитан сказал:

- С экватора идет теплая волна. Часа через два у вас начнется черт знает что. Такой бури мы еще не видали. Катер надежно укрыт?

- Сейчас проверю, - сказал Глеб, нагибаясь за башмаками. - Наверно, мне лучше подняться к кораблю.

- А я останусь, - решил я. - В доме мне ничего не угрожает. Камера у меня с собой - сниму бурю.

- Отлично, - согласился капитан. - До связи.

- Вот и весна идет, - сказал Бауэр. - Куда же я шлем положил?

Буря поднялась через час. Бауэр еле успел вырваться с планеты. Буря не утихла и к утру. Скорость ветра достигала восьмидесяти метров. Температура поднималась на глазах, и по снегу неслись, вгрызаясь в него, бурные ручьи. Водяная пыль смешивалась со снежной пылью. Под вечер второго дня город затопило, вода поднялась вровень с окнами, и потоки рушились вниз, к озерам и морю.

В ту ночь я допоздна засиделся за сводками и списками. Спал я тяжело, просыпался. Ночью почему-то меня вызвал Бауэр - он восторженно кричал о том, что Мозг расшифровал наконец их язык, что он теперь все знает, что тайны никакой нет, но мне очень хотелось спать, и я сравнительно вежливо попросил его сообщить мне все завтра и не стал его слушать. Отключил рацию, нарушив тем самым важное правило поведения на неисследованных планетах. Но я очень хотел спать.

...Было утро. Я лежал, прислушиваясь, как всегда, к шорохам дома. У двери раздались голоса. Потом кто-то засмеялся. Смеялась Кристина. Я не открывал глаз, потому что не знал, сон это

или Кристина в самом деле вернулась домой. Я ждал, когда в прихожей раздадутся легкие шаги.

Хлопнула дверь. Кристина замешкалась в коридоре. Конечно же, там висит мой скафандр. Я хотел сказать, чтобы Кристина не боялась, но вспомнил, что она не поймет. Так я и лежал, не открывая глаз.

Кристина вошла в комнату и остановилась у двери. Сейчас она увидит белого волчонка и свой портрет на столике. Кристина не двигалась. Комната наполнилась жужжанием – она включила шторы. Стало светлее. Даже сквозь сомкнутые веки солнце било в глаза. Тогда я понял, что это не сон.

Кристина стояла у двери. Я открыл глаза и постарался улыбнуться ей. Окна были открыты, и сквозь них виднелось синее небо. Ветка на столе распустилась, и цветы оказались такого же цвета, что и глаза у Кристины.

- Доброе утро, – сказал я. – Извините, что я напакостил в вашем доме.

- Доброе утро, – отозвалась Кристина. – Я не обижаюсь.

Только тут я заметил у нее на груди коробочку лингвиста.

Из-за ее спины неожиданно возник Глеб.

- Мы не спали всю ночь, – сказал он. – А ты отключил рацию, и за это тебе влетит от капитана по первое число.

- Пожалуйста, – сказал я, не отрывая взгляда от Кристины.

...В день отлета я спросил Кристину:

- Ты что сегодня делаешь?

- Работаю, – сказала Кристина. – Ты же знаешь. Первую неделю мы приводим город в порядок. Все работают.

Лингвист точно переводил смысл слов, но совершенно не умел передать интонации и оттенки эмоций.

- Если бы ты остался, – сказала Кристина, – я бы научилась говорить по-русски.

Лингвист опять перевел только формальную суть ее слов.

- Я не могу, – сказал я. – Но прилечу, как только станет возможно.

- Я не верю, – сказала Кристина.

- Можно, я возьму на память твой портрет и белого волчонка?

- Зачем?

- Я возьму.

- Как хочешь.

Мы стояли у летнего кафе. Несколько человек помогали машине натягивать над ним полосатый тент. Пахло свежей краской. Бауэр рискованно обогнал автобус и затормозил рядом с нами.

- Я знал, где тебя искать, - сказал он. - Доброе утро, Дели.

- Кристина, - поправила она.

- Мы едем в Синюю башню, - сказал Глеб. - Хочешь с нами?

- Зачем? - удивилась Кристина. - Я совсем недавно там была. Я не люблю их. Тошнит.

- Сегодня придут последние. Те, кто задержался осенью, консервируя энергостанцию.

- Ты рассказывал мне про «Марию Целесту», - сказала Кристина. - А может, там случилось то, что у нас?

- Вряд ли. Случайно такие вещи не случаются.

- У нас сначала тоже было случайно. Потом только появилась теория. И первые машины времени.

- Любое открытие вызывается необходимостью. На Земле это еще не необходимость.

- У нас необходимость.

- Еще бы, - сказал Бауэр. - Зима отнимала у вас половину жизни. На шесть месяцев планета вымирала. Можно терпеть мороз, можно изобрести валенки, но это лишь защита, а не нападение.

- Вот мы и напали на зиму, - сказала Кристина. - Простите, мне пора.

- Мы подвезем тебя, - сказал Бауэр.

- Мне близко, спасибо. Увидимся перед отлетом.

Кристина запахнула накидку и убежала.

Мы успели к Синей башне. Техник провел нас к временным камерам как раз тогда, когда из них выходили рабочие с энергостанции.

Было странно смотреть, как открываются двери в ничто, во время, в прошлую осень. И странно сознавать, что через эту башню за последние три дня прошло население всего города. Сейчас выйдут последние, и башня заснет до осени. Осенью, когда зарядят дожди, когда первый снег брызнет из сизых туч и ветры начнут срывать с деревьев бурые листья, вновь загорятся контрольные приборы, загудят генераторы, создавая временное поле. И, убрав за собой дома, заперев все двери, смазав станки, загнав в гаражи машины, выключив свет, захватив с собой домашних зверюшек, жители города соберутся у Синих башен, взглянут в последний раз на хмурое сизое небо и войдут во временные камеры. На мгновение замутится сознание, охватит дурнота, потом вновь вспыхнут лампы под потолком: можно выходить.

В жизни людей пройдет минута. В жизни планеты - шесть месяцев. Люди постареют на

минуту, планета - на полгода. И нет зимы, нет месяцев, потраченных на борьбу со злой природой, не нужны теплые вещи и топливо...

Несколько дней уходит весной на уборку города, на окраску домов, обглоданных метелями, - и жизнь продолжается. До осени. А там вновь вся планета уйдет в машины времени, чтобы вычеркнуть зиму. И вновь на шесть месяцев на пустой планете воцарится холод и в покинутых людьми городах будут хозяйничать белые волки и пурга.

Выходивший последним пожилой мужчина в белом комбинезоне с синей «молнией» на рукаве передал технику квадратную карточку. Тот сверил ее с другой, такой же.

- Хорошо, - сказал он. - Идите.

Люди, вышедшие из башни, останавливались, поправляли волосы, жмурились, разминались, как после короткого дневного сна. Один из них присел на корточки, сорвал тонкую травинку, пробившуюся сквозь холодную еще землю.

- Никак не могу привыкнуть, - сказал он, поднимая голову. - Никак.

Кто-то коротко засмеялся.

Техники суетились у входа.

Короткие команды раздавались из динамика над дверью башни.

Минут через пять все было кончено: тяжелая стальная дверь опустилась сверху и отрезала от сегодняшнего дня прошлую осень.

...Кристина не пришла нас проводить.

Ничего, я прилечу сюда следующей весной, без спроса войду в ее пустой дом, улягусь на диване в первой комнате и буду ждать того утра, когда в прихожей раздадутся легкие шаги, Кристина войдет в комнату и откроет ставни, чтобы впустить в дом солнечные лучи.